

ЧТЕНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Е. Н. Ищенко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июля 2021 г.

Аннотация: в статье чтение рассматривается как социокультурный феномен, исследование которого имеет глубокие философские истоки. Автор выявляет специфику философского понимания чтения, рассматривает основания истории, психологии и социологии чтения как специальных дисциплин, а также некоторые особенности трансформации методологии его изучения в связи с развитием современных цифровых технологий.

Ключевые слова: чтение, читатель, методология, история чтения, социология чтения, психология чтения, цифровые гуманитарные науки.

Abstract: the article considers the reading as the social and cultural phenomenon, the study of which was deep philosophical sources. The author reveals the specifics of philosophical approach to the phenomenon of reading, foundations of history, psychology and sociology of reading as special disciplines, and as well as considers some features of the methodological transformation of its studies in connection with development of contemporary digital technologies.

Key words: reading, reader, methodology, history of reading, sociology of reading, psychology of reading, digital humanities.

Философское осмысление феномена чтения имеет длительную традицию. Сложно даже перечислить выдающихся философов, уделявших внимание изучению различных аспектов чтения. Платон и Аристотель, Августин и Ориген, Бэкон и Декарт, Дидро и Руссо, Кант и Фейербах отдавали должное чтению как важнейшему процессу, помогающему человеку стать личностью, обрести и познать себя. Философские штудии были тесно связаны с герменевтической традицией, поскольку именно в ее рамках зарождается и развивается теория *понимания*, без которого процесс чтения попросту утрачивает свою главную, можно сказать, изначальную идентификацию. Проникновение в текст – будь он устный или письменный, прочтенный рапсодом или записанный на пергаментном свитке, – налагает требования на обе стороны, участвующие в процессе.

Остановимся на принципиально важном в контексте нашей проблемы диалоге Платона «Ион», который принадлежит к раннему периоду творчества великого греческого мыслителя. Диалог начинается с того, что Сократ встречает прославленного рапсода Иона Эфесского, который рассказывает ему о своей победе в состязании на празднествах Асклепия в Эпидавре. Сократ замечает: «Да, Ион, часто я завидовал вашему искусству... <...>. Как вам не позавидовать! Ведь нельзя стать хорошим рапсодом, не вникая в то, что говорит поэт; рапсод должен стать для

слушателей истолкователем замысла поэта, а справиться с этим тому, кто не знает, что говорит поэт, невозможно (курсив наш. – Е. И.)» [1, 530с]. Знание о замысле автора для Платона имеет божественную природу, проявляющую свою мощь и силу в вовлеченности зрителей-слушателей того «спектакля», *представления*, которое дает рапсод. Сократ восклицает: «Неужели в здравом рассудке тот человек, который, нарядившись в расцвеченные одежды и надев золотой венок, плачет среди жертвоприношений и празднеств, ничего не потеряв из своего убранства, или испытывает страх, находясь среди двадцати и даже более тысяч дружественно расположенных к нему людей? Ведь никто его не грабит и не обижает!

Ион. Клянусь Зевсом, Сократ, такой человек, по правде сказать, совсем не в своем рассудке.

Сократ. Знаешь ли ты, что вы доводите до такого же самого состояния и многих из зрителей?

Ион. Знаю, и очень хорошо: я каждый раз вижу сверху, с возвышения, как зрители плачут и испуганно глядят, пораженные тем, что я говорю. <...>

Сократ. Теперь ты понимаешь, что такой зритель – последнее из звеньев... Среднее звено – это ты, рапсод и актер, первое – сам поэт, а бог через вас всех влечет душу человека куда захочет, сообщая одному силу через другого» [там же, 533de335de].

Античную культуру отличали ориентация на *устное, произнесенное, исполненное* слово, исключительное значение риторических приемов и техник, театрализация и пластичность как принцип эстетической организации космоса. Не стоит забывать и о том, что подобного рода исполнения гомеровских поэм выполняли важнейшую социальную миссию формирования и воспитания самосознания греческой цивилизации. Гражданин полиса должен был ощущать себя живущим в пространстве Ойкумены, за границами которой остается варварский мир, придерживающийся иных, чуждых ценностей. Географическая раздробленность отдельных полисов отступала перед мощью общекультурных конструкций, в которых чтение было одним из важнейших оснований. Трансформация человека посредством чтения оказывается принципиально важной мыслью Платона. Но не менее важной, как кажется, является и его гениальная догадка о способности текста менять *реальность*, в которой совместно пребывают интерпретатор и его зрители. Как нам представляется, эти открытия не утрачивают своей значимости в иных историко-культурных контекстах. Аудиовизуальные эффекты оказывали мощное воздействие на аудиторию, придавая чтению мистериальный характер.

Переход от чтения вслух к «глазному чтению» стал революционным шагом как в развитии самого чтения, так и культуры в целом. В соответствии с известным преданием Блаженного Августина, первым человеком, совершившим столь серьезный сдвиг, был его наставник Амвросий Медиоланский [2]. Чтение «про себя», «тихое чтение», не предполагающее непременно *проговаривания вслух*, в некотором смысле переключает

чило регистры – от *внешнего* к *внутреннему*, оно способствовало усилению *рефлексивного* аспекта чтения. Для Августина чтение окрашено глубоко переживаемым религиозным чувством общения с Богом посредством чтения Писания. Предположим, думается, не без оснований, что такая книга, как «Исповедь», могла появиться именно благодаря такому типу чтения, его новому пониманию, позволяющему увидеть его новые возможности. Одной из таких открывшихся перспектив стало развитие *рефлексии* как способа самопознания личности. Итак, чтение побуждает не только к *додумыванию*, *дистраиванию* реальности, скрывающейся за текстом, но и к размышлениям человека о самом себе, мотивах своих поступков, способствуя *расцветиванию*, *обогащению* его внутреннего мира.

В последующих философских исканиях чтение, обращенное уже к сфере светской культуры, приобрело отчетливо диалогический характер. Коммуникативный аспект чтения стал, пожалуй, доминирующим, в Новое время и эпоху Модерна. Чтение как *разговор* с умным собеседником – ключевой мотив философского осмысления. Распознавание «остатка человеческого бытия в произведении» (по выражению В. Дильтея), просвечивающего сквозь текст, развивает не только способности читателя к рациональным рассуждениям, но пробуждает эмпатию, побуждает к поступкам, формирует этические и эстетические нормы и идеалы. Такие представления базировались на точной и четкой смысловой иерархии, отражающейся, к примеру, в наличии «высоких» и «низких» жанров. Как тут не вспомнить Пушкина: «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман...». Культурные конструкции, поддерживающие смысловую вертикаль, служили надежной опорой для отделения «чтения для развлечения» и «серьезного чтения».

Метафора *встречи* кажется нам подходящей для описания философского подхода к пониманию чтения как социокультурного феномена. Но что же необходимо для того, чтобы встреча читателя и книги не только *произошла*, *случилась*, но оказалась значимым их событием? Каковы обстоятельства, если угодно, топос и хронос этой встречи, ее перекрестки и перепутья? Собственного говоря, вокруг ответа на этот вопрос, по нашему глубокому убеждению, располагаются различные исследовательские стратегии и тактики.

Становление гуманитарных и социальных наук, их институционализация, стремление к отделению от философских парадигм, поиски собственной предметности и методологии неслучайно привели к возникновению специальных отраслей знания, посвященных исследованию чтения. Среди подобного рода дисциплин стоит выделить *историю чтения*, *психологию* и *социологию чтения*. Образ *Homo legens* – человека читающего – в зеркале таких исследований стал более подробным, обрел специфические черты, утратил размытость и абстрактность. Как отмечает Р. Джонсон, «переход от “читателя в тексте” к “читателю в обществе” означает скольжение от самого абстрактного момента (анализа форм) к самому конкретному объекту (действительным читателям, какими они конституируются социально, исторически, культурно)» [3, с. 122]. В са-

мом деле, логика развития литературоведения, к примеру, привела в XX в. к необходимости разработки проблем чтения и читателя как важнейшей фигуры широко понятого литературного процесса. Проблематизация связи литературы и чтения, до некоторого момента не вполне очевидная, стала предметом специальных исследований. Нельзя не отметить, к примеру, целый ряд значительных работ, посвященных анализу чтения и читателя в различных историко-культурных ландшафтах [4–9]. Историческая перспектива позволила задать новый масштаб изучения, прежде всего, техник и практик чтения, увидеть влияние различных традиций на формирование читательских вкусов и интересов, отразить влияние культуры чтения на литературный процесс. *История чтения* постепенно стала обретать собственные дисциплинарные границы. Однако довольно скоро выяснилось, что представления об истории литературы и чтения неизбежно имплицитно содержат некоторые парадигмальные, метатеоретические посылки. Анализируя специфическую исследовательскую конструкцию «теория истории литературы», А. Компаньон показывает ограниченность крайних подходов – как сугубо марксистского, так и формалистско-структуралистского. Чтение становится для него оселком, на котором можно проверить возможности теоретической рефлексии. Для него центральными в этом смысле оказываются непростые отношения читателя и автора книги. Намерение автора стало центром жарких дискуссий (в некотором смысле, заметим, продолжает оставаться таковым и до сих пор). Должен ли читатель буквально следовать за автором? Где пролегают границы свободы читателя, его интерпретативной активности? Непростые вопросы, предусматривающие сложность и неоднозначность ответов. Неслучайно, в конечном итоге Компаньон приходит к выводу, что «опыт чтения, как и любой человеческий опыт, неизбежно является двойственным, неоднозначным, нецельным...» [10, с. 191]. Как представляется, эта неискоренимая неоднозначность может быть воспринята не столько как препятствие, но как *вызов*, ответ на который должен и может быть найден.

Немаловажными представляются открытия, связанные с исследованием чтения как когнитивного процесса, отсылающего к его психологическим аспектам [11–13]. *Психология чтения* как особая область исследований видит в чтении, прежде всего, процесс раскодирования текста, который носит сложный, многоуровневый характер. Как здесь не вспомнить не утратившее своего значения определение *понимания как перехода от знака к значению*, данного Блаженным Августином. Горизонт ожидания читателя, состояние его когнитивной базы, начитанность, включенность в культурный контекст – всё это лишь небольшой перечень обстоятельств, играющих ключевую роль в процессе чтения. Психологический портрет *Ното легенс* складывается из множества паззлов, среди которых когнитивная составляющая является важной, но далеко не единственной.

Социология чтения в качестве бурно развивающейся отрасли знания предлагает свой взгляд на чтение и читателя. В соответствии со своей общеметодологической программой, социология чтения может дать

детальный портрет читателя, ранжированного по возрасту, полу, месту проживания, уровню образования и т. п. Она предлагает собственные теоретические подходы к описанию читательских стратегий, выявлению влияния общественных институций на формирование вкусов и потребностей читательских сообществ, а также описывает трансформацию практик чтения [14–16]. Однако нельзя не согласиться с Р. Джонсоном в том, что, если так можно выразиться, *отраслевые* изучения чтения сталкиваются с целым рядом общеметодологических проблем. В таких подходах «...остается незамеченным множество новых детерминаций или воздействий, которые мы теперь должны принимать во внимание, в дисциплинарном отношении мы переходим от основы, обычно рассматриваемой литературными подходами, к более привычным историческим или социологическим подходам, но общим новым элементом здесь служит способность справляться с множеством сосуществующих детерминаций, действующих на множестве различных уровней» [3, с. 122]. Иначе говоря, частнонаучные и узко дисциплинарные подходы позволяют многое узнать, но не в состоянии дать целостную картину, которая, в самом деле, представляет собой сложное переплетение разнообразных причин и следствий. Как справедливо отмечает Т. Венедиктова: «Если что принципиально ново в так называемом “повороте к читателю”, совершившемся в литературной науке под конец XX столетия, то это смещение внимания с произведения, представлявшегося прежде как объект – относительно автономный, стабилизированный авторским замыслом и внутренней структурой, – на процессы его воспроизводства и со-производства – социальные, контекстозависимые, предполагающие участие многих инстанций» [17, с. 9]

Между тем современная ситуация цифролюции внесла свои коррективы в стратегии и тактики исследовательских программ, так или иначе связанных с изучением чтения. Трансформации, происходящие и с книгой, и с читателем в связи с переходом к цифровой реальности, всё чаще обращают на себя внимание представителей разных дисциплин [18–22]. В контексте проблемы теоретико-методологических поисков *переход от буквы к цифре* имеет за собой несколько важных следствий. Благодаря пресловутому *цифровому следу*, который оставляет пользователь в интернете, у исследователей появляется уникальная возможность на основании анализа *big data* получить множество вполне конкретной количественной информации о читательских предпочтениях, формировании книжной моды, тенденциях развития книжного рынка и т. п.

К примеру, как заявляет оптимистично настроенный Л. Манович, «...вдобавок к теоретизированию о воображаемом абстрактном пользователе (типичная для гуманитариев стратегия), или использованию опросов с целью ознакомления с культурным опытом людей, или этнографии (исследованиям коммуникаций) – вдобавок ко всему этому мы можем собирать и анализировать данные о действительных взаимодействиях людей с программными артефактами. <...> Как культурные критики? мы можем собирать данные об опыте *реальных* пользователей, чтобы лучше понимать, что это за опыт, картографировать его изменчивость

и, что важнее, сравнивать опыт разных продуктов, проясняя тем самым культурные паттерны» [23, с. 205–206]. Как кажется, нам всё же не избежать обращения к качественным характеристикам, которые, бесспорно, могут и должны быть дополненными количественными данными. Дело в том, что сама дефиниция чтения, наполненная, как мы видели, множеством смыслов, при сугубо внешней исследовательской позиции оказывается существенной проблемой. В самом деле, важен не просто факт просмотра тех или иных страниц, количество времени, уделяемое читателем тем или иным текстам, но и наполненность, осмысленность чтения, его многоуровневость и многофункциональность. В данном контексте принципиально важным представляется нам введение в качестве предварительной концептуальной конструкции некоторой *типологии* чтения. Многофункциональное по природе своей, чтение может быть использовано для достижения самых разных целей. Очевидно, что чтение может быть простым потреблением информации, которая довольно скоро освобождает в сознании пространство для следующей порции «знаний». Сегодня такой тип чтения выходит, пожалуй, на лидирующие позиции. Границы между интеллектуальным и образовательным чтением, с одной стороны, и популярными изданиями – с другой, всё чаще размываются. Обыденное и утилитарное чтение, в свою очередь, призваны подсказать человеку некоторую программу действий, для того чтобы он мог решить собственные повседневные проблемы. В этом смысле как не претендующие на особый статус поваренные книги, так и невероятно популярные руководства по манипулированию другими людьми, маскирующиеся под «интеллектуальное чтение», занимают одну и ту же нишу. Тонкие, сложные смыслы чтения как внутренней работы, требующей интеллектуального и духовного напряжения, зачастую уступают место сиюминутной моде и прагматизму. Остается надеяться, что глубоко укорененное в культурной традиции экзистенциальное измерение чтения, по большому счету и делающее человека человеком, останется константой бытия современной цивилизации.

Если вновь обратиться к метафоре встречи, можно сказать, что сегодня эта встреча случается поверх пространственных и временных границ. Способен ли современный читатель – цифровой номад, – *встреча* которого с книгой происходит в профанном сетевом пространстве, испытать тот почти религиозный восторг, который испытывали его предшественники из «аналоговой реальности»? Вопрос в той же мере риторический, сколь и открывающий новые исследовательские горизонты.

Литература

1. Платон. Ион / Платон // Соч. : в 4 т. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та : Изд-во Олега Абышко, 2006. – Т. 1. – 632 с.
2. Шартье Р. Письменная культура и общество / Р. Шартье. – М. : Нов. изд-во, 2006. – 272 с.
3. Джонсон Р. Что же такое культурные исследования? / Р. Джонсон // Логос. – 2012. – № 1 (85). – С. 80–135.

4. Readers and reading culture in the High Roman Empire : a study of elite communities. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 272 p.
5. Ancient literacies : the culture of reading in Greece and Rome. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 448 p.
6. The early text of the new testament. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – 482 p.
7. Мангуэль А. История чтения / А. Мангуэль. – Екатеринбург : У-Фактория, 2008. – 415 с.
8. Равинский Д. История чтения : раздвигая границы исследовательского пространства / Д. Равинский. – URL: <http://www.nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1791/1813/index.html>
9. Общество и книга : от Гуттенберга до Интернета. – М. : Традиция, 2001. – 280 с.
10. Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл / А. Компаньон. – М. : Изд-во Сабашниковых, 2001. – 336 с.
11. The conceptual and cognitive implications of reading and writing. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994.
12. Бездидько А. В. Ритуальная составляющая книги / А. В. Бездидько // Мир психологии. – 2003. – № 1. – С. 163–167.
13. Мелентьева Ю. А. Чтение : явление, процесс, деятельность / Ю. А. Мелентьева. – М. : Наука, 2010. – 182 с.
14. Johnson W. Toward a sociology of reading in classical antiquity / W. Johnson // The american journal of philology. – 2000. – Vol. 121, № 4. – P. 593–627.
15. Селиверстова Н. А. Книга в обществе : основные теоретические подходы / Н. А. Селиверстова // Социологический сборник. – 2000. – Вып. 7. – С. 32–41.
16. Аскарлова В. Я. Изучение читателей в контексте социальной и культурной ситуации / В. Я. Аскарлова. – URL: http://www.lib.csu.ru/vch/2/2000_01/010.pdf
17. Венедиктова Т. Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой / Т. Венедиктова. – М. : НЛЮ, 2018. – 155 с.
18. Бутенко И. А. Чтение накануне нового тысячелетия / И. А. Бутенко // Alma mater. – 1997. – № 10. – С. 43–48.
19. Кожевникова Е. С. Читатель и Интернет / Е. С. Кожевникова // Библиотекведение. – 2005. – № 2. – С. 36–41.
20. Усенков Л. Книга XXI века / Л. Усенков // Наука и жизнь. – 2000. – № 8. – С. 76–78.
21. Хаанк Д. Будущее электронных публикаций / Д. Хаанк // Научные и технические библиотеки. – 2003. – № 2. – С. 199–122.
22. Эпштейн М. Виртуальные книги / М. Эпштейн // Звезда. – 2004. – № 8. – С. 218–234.
23. Манович Л. Как следовать за пользователями программ? / Л. Манович // Логос. – 2015. – Т. 25, № 2 (104). – С. 189–218.

Воронежский государственный университет

Ищенко Е. Н., доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания

E-mail: edu@main.vsu.ru,

Voronezh State University

Ishchenko E. N., Ph.D., Dr. phil. hab. in Philosophy, Professor of the Ontology and Epistemology Department

E-mail: edu@main.vsu.ru